
СКАЗКИ
НАРОДОВ
РОССИИ

НОВГОРОДСКИЕ СКАЗКИ

+ КАРТА-ИГРА

2-е издание

Художник
Карина Соловьёва

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»
2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господин Великий Новгород — так в древних летописях уважительно называли город-республику на Северо-Западе Руси. Историю Великого Новгорода нельзя назвать спокойной, но чудом этому краю удалось не потерять свою неповторимость и особенность. К счастью, в уникальных почвах Новгорода прекрасно сохраняются деревянные предметы. Поэтому археологи уже около ста лет проводят в Новгороде раскопки, извлекая на свет древние берестяные грамоты, которые дают бесценную информацию о жизни Древней Руси X–XV веков. К примеру, как же выглядели новгородцы в прошлые века?

Простых людей можно было определить по незатейливой стрижке «под горшок». Бояре отращивали кудри до плеч, ровняли бороду. Правда, как отмечал посетивший Новгород в 1413 году фламандский рыцарь Жильбер де Ланнуа, мужчины — модники, как и женщины, любили заплетать длинные волосы в косы (женщины — в две косы), спускающиеся на плечи и грудь (у женщин — на спину); бороды тоже могли заплетать в две косы.

Мужчины простых сословий заправляли штаны в кожаные мягкие сапоги. Поверх длинной рубахи (тоже заправленной) надевали кафтан на пуговицах до колен. Бояре вместо

кафтана могли позволить себе шубу (мехом внутрь, крытую шёлком, с меховым отложным воротником) и красные сафьяновые сапоги. Основная цветовая гамма женского наряда складывалась из сочетаний белого, красного и синего цветов. Женщины обычно носили нательную рубаху до икр, поверх неё — шерстяной яркий сарафан с длинными рукавами, которые придерживали браслеты, или шерстяную юбку. Сверху — широкий плащ-накидка. В холодное время года, которое в Новгороде почти всегда, надевали несколько юбок и иногда штаны. Зимой — шуба, тоже мехом внутрь. Голову покрывали платком, завязанным вокруг собранных волос сзади.

Обязательным элементом женского костюма являлся головной убор, форма которого зависела от возраста и социального статуса его обладательницы. По поверьям волосы имели особое значение: через них можно было «напустить порчу», поэтому женщина аккуратно прятала их под головной убор. Замужние женщины должны были обязательно прикрывать свои волосы, потому дома носили на голове волосники или повойники и повязывали ещё платок, а при

выезде из дома надевали богато украшенную кику или кокошник. Девицы носили на голове широкую вышитую повязку (венчик), с широкими лентами позади.

В Новгороде сформировалась своя самобытная культура, в которой органично сочетались славянские традиции и влияние соседних народов, включая скандинавов и финно-угров. Сейчас в этих местах живут потомки ильменских словен и светловолосых кривичей, а также финно-угорских племён (это они дали названия местным рекам и озёрам — Ладога, Онега, Мста, Ловать, Луга, Вишера). Сначала было чёткое разделение на живущих здесь викингов, словен и чудь, но к XI веку всё население перемешалось. В средние века город являлся одним из крупнейших во всей Европе. И через него пролегал знаменитый торговый путь по воде «из варяг в греки».

Активное развитие торговли способствовало росту городского ремесла: здесь процветали кузнечное дело, ткачество, обработка дерева, ювелирное искусство и производство керамики. Археологические находки показывают высокий уровень мастерства ремесленников — изделия отличались качеством и художественным оформлением.

Одним из важных аспектов культурного развития стало появление письменности и летописания, что свидетельствовало о высокой грамотности горожан. На кусочках бересты находили письма, деловые записи и даже детские учебные упражнения — это уникальное свидетельство повседневной жизни и грамотности жителей в Средневековье.

Сказки, которые вы прочитаете в этом сборнике, конечно, не были написаны на бересте. Но они были записаны в начале XIX века Марией Михеевной Серовой в разных деревнях Новгородской губернии и сохранили всю прелесть местного говора. А дальше с этими сказками произошла удивительная, просто сказочная история. В 1925 году Мария Михеевна приехала из России в Париж, к родственнице, и подарила ей сборник этих сказок, изданных, конечно, не в лучшем виде — времена в России были суровые и небогатые. Долгие годы скромная книжечка ждала переиздания, пока по счастливому стечению обстоятельств не попала в руки к уроженке Боровичей Галине Лысенко, которая и привезла эти сказки обратно в Россию, на родину.

ОТ СОБИРАТЕЛЯ

«Добрый смех — не грех», — говорит русская пословица. «Со смехом-то и беда в полбеды живет», — прибавляет другая. И это, как нельзя больше, справедливо. Кто не испытал на себе бодрящего действия здорового смеха? Любит и посмеяться, и беду смехом избыть русский народ, а главное, умеет посмеяться, доказательством чего служат приведенные здесь сказки. Здоровый юмор, соединенный с удивительною образностью и красотою народного языка, делает каждую из них маленькой жемчужиной. Предлагаемые аудитории, они неизменно вызывают гомерический хохот — лица сияют, глаза блестят, и люди уходят встряхнувшимися с освеженною душою, ибо ничто так не освежает душу, как здоровый, бодрый смех...

Пусть же посмеются и те, кто не услышит этих сказок в живой передаче. И если эта небольшая книжка разгонит хандру, а она в состоянии это сделать, и разгладит морщины забот хоть на одном скорбном челе, этим она вполне оправдает свое появление в печати, и составительница будет считать цель свою достигнутой.

Слышаны эти сказки от крестьянки Тихвинского уезда Новгородской губернии Мавры Осиповны Доничевой и от крестьян Устюжинского и Боровичского уездов той же губернии.

М. СЕРОВА

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЧУДОВО
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
р.Волхов
ХУТЫНЬ
оз. Ильмень
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
СТАРАЯ РУССА
р. Ловать
ХОЛМ
N
W
E
S

Для игры потребуется кубик и фишки для каждого участника. Фишками могут быть любые подручные материалы (пуговицы, монетки, ластики и т. п.). Бросайте по очереди кубик и двигайтесь вперед.

Кто же первым попадет в Великий Новгород?

НАГОВОРНАЯ ВОДИЦА

А што, жаланны вы мои, в городу-то у вас на водицу-то шопчут? Слыхали про то, али нет? Наговорной та водица прозываетца, и во кака целевна та вода-матушка! Ото всево помогает. Да вот постой-ко, погоди — не далеко ходить — про себя скажу, как мни-ка этака-то водица помогла. Да вить как помогла-то. Лучще не надобно. Да вот послушайте-ко, как дело-то было...

Это я со стариком-то со своим смолоду-то жисть куды как ладно прожила. А вот под старость-ту и приключись с ним што-то неладное — такой поперешной старичишка

стал — не приведи господи. Ты ему так, а ен те этак. Ты ему слово, а ен те — два... Ну, да уж и я-то, родны вы мои, удала была — ен два — а я пять, ен пять, а я десять... Так и такой-то вихорь у нас, бывало, завьетца — хоть святых вон выноси... А разбиратца начнем — виноватово нет!

— Да с чево бы это у нас, старуха. А?!

— Да вить все ты, неладной, поперешной... все ты!..

— Да полно-ко! я ли?! Не ты ли?! с долгиим-то языком.

— Не я, да ты...

— Ты, да не я.

Да и упять пошло-завилось, по всем углам шарахает. И до тово дошодцы было, жаланны вы мои, как это утречком старик с печи ноги-то спущает, и пошло... и пошло... хоть из избы вон беги.

Да спасибо — одна старушоночка надоумила. Так бобылочка, этак изобочки через три от нас жила... Слухала это ена, слухала, да и говорит:

— Маремьянушка, што это у тя со стариком-то все нелады да нелады? Да сходила бы ты, матушка, к старцу-то на гору. На водицу старец шепчет... людям-то помогает... Бывать, и тебе поможет.

«А и впрямь, — думаю, — пойду-ко схожу, никто, как Господь...»

Пошла этта я к старцу-то. Гляжу — стоит келейка однооконненька. Я этта в оконышко-то постукотала, и вышел старец-то. Низенький этакой... щупленькой, седа бородушка клинушком...

— Што, грит, раба, надобно?..

— Да вот, — говорю, — батюшко, помоги... Этаки-то у нас нелады со стариком...

— А подожди, — говорит, — маленько...

И вынес он, матушки вы мои, водицы в ковшичке, да при мне на эту водицу-то и пошоптал... Вот с места не сойтить, не лгу... Хрест наложил, вылил водицу в стклянницу, да и говорит:

— Вот, раба, как домой-то придешь, да зашебаршит у тя старик-то, а ты водицы-то и хлебни, да не плюнь, не глони, а с Иисусовой-то молитвой и держи в роту-то, покеды он не угомонитца... всё ладно и будет...

Поклонилась я старцу, стклянницу-то взяла, да домой. Тольки это ноженьку-то за порог занесла, а старик мой и себя не помнит. А он у меня, покойник, куды как охоч до чаю был. Уж не пропусти

с самоваром ни минуточки, а я у старца-то и позапозднилась... Вот этта ен с печи-то...

— Уж эти мне бабы, стрекотухи проклятушшии!.. пойдут, да и провалятца...

А я, матушки вы мои, водицы-то и хлебнула, да как старец-то сказывал — не плюну, не глону, с молитвой-то Иисусовой и держу ею в роту-то... Гляжу — замолчал мой старик-то! Это слава тебе Господи — водица-то кака целевная. Это я стклянницу-то за божницу, а сама за самовар, да и загреми трубой. А у старика-то глазы на лоб полезли, себя не помнит:

— Эко неладная-то... не тыим концом руки-то воткнуты...

А я упять за водицу... хлебнула... держу... замолчал, вить, старик-то мой...

Да што ты скажешь, родимы вы мои, и пошла у нас тишь да гладь, да божья благодать!.. Ен за ругань, а я за водицу... Да и слава те Господи! Всё пошло, как по-писанному...

Так эво, жаланны вы мои, што водица-то делает... А старик-то мой, покойник, коса сажень в плечах, росту страшенново... Вот эфту притолочину лбом-то вышиб бы... И этаконький-то глоточек таку-то махинищу сдерживал...

Вон оно, сила-то кака в водице-то энтой са́мой, наговорной...